

УДК 327

Манойло А. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

«ДЕЛО СКРИПАЛЕЙ» КАК ОПЕРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена детальному разбору технологической составляющей операции информационной войны, получившей название «Дело об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей». Установлено, что «Дело Скрипалей» состоит из двух этапов, в основе каждого из которых лежат две различные схемы. Первый этап данной информационной операции (длившийся с 4 по 22 марта 2018 г.) построен по классической схеме «игры с пошаговым повышением ставок». Второй этап «дела Скрипалей», начавшийся 5 сентября 2018 г. с опубликования криминальной полицией Великобритании промежуточного отчёта о предварительных результатах расследования инцидента в Солсбери, построен по схеме, также имеющей своё условное название «загонная охота».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политика, международные отношения, безопасность, информационная война, Скрипаль, Великобритания, Россия, конфликт.

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Первый этап информационной операции: «игра с пошаговым повышением ставок»](#)

[Второй этап информационной операции: Петров, Боширов и метод «загонной охоты»](#)

[Реакция России](#)

[Заключение](#)

A. Manoilo

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

THE CASE OF THE SCRIPALS AS AN INFORMATION WARFARE OPERATION

ABSTRACT

This article is devoted to the detailed analysis of the technological component of the information war operation, known as “the case of poisoning Sergey and Julia Skripal”. It has been established that The Case of the Scripals consists of two stages; each of them is based on two different schemes. The first stage of this information operation (which lasted from March 4 till March 22, 2018) was organized according to the classical “game with step-by-step rate increase” scheme. The second stage of the Scripals case began on September 5, 2018 with the publication by the UK criminal police interim report on the preliminary results of the investigation of the incident in Salisbury. It is based on the scheme that also has its code name: “Wolf Hunting”.

KEY WORDS:

politics, international relations, security, information war, Scripal, the UK, Russia, conflict.

ВВЕДЕНИЕ

Печально известный инцидент в Солсбери, получивший название «Дело об отравлении Скрипалей», на данный момент представляет собой одну из наиболее совершенных схем организации и проведения операций информационной войны (ИВ). Началась эта операция 4 марта 2018 г. в Солсбери, где при неясных обстоятельствах были отравлены два мирных жителя – гражданин Великобритании С. Скрипаль (бывший офицер ГРУ, бывший платный агент британской военной разведки МИ-6, живущий на получаемую от МИ-6 пенсию) и его дочь, гражданка Российской Федерации Ю. Скрипаль. В отравлении этих граждан правительство Великобритании (в лице премьер-министра Соединённого Королевства Т. Мэй) обвинило Российскую Федерацию и её спецслужбы. Это обвинение, опередившее даже первый отчёт Скотленд-Ярда (криминальной полиции Великобритании) о предварительных результатах расследования (опубликованный 5 сентября 2018 г.), положило начало реализации первого этапа данной операции информационной войны, получившей название «игры с пошаговым повышением ставок» [10].

Формальным завершением первого этапа операции ИВ следует считать 22 марта 2018 г. – день выступления Т. Мэй на саммите Евросоюза, в котором премьер-министр Великобритании призвала страны ЕС проявить солидар-

ность и заставить Россию ответить за «химическую атаку» в Солсбери. Речь, в частности, шла о поддержке другими странами ЕС массовой высылки российских дипломатов (сама Великобритания предписала немедленно покинуть 23-ём российским дипломатам пределы Соединённого Королевства ещё 20 марта 2018 г.) и о ряде других мер, в том числе о признании России «страной, применяющей оружие массового уничтожения (химическое оружие) в отношении мирных граждан»¹. Однако европейские дипломаты вовремя распознали истинное желание Т. Мэй переложить ответственность за травлю России с её собственных плеч на плечи всего Евросоюза (т. е. превратить персональную ответственность в коллективную) и поддержали только первый пункт (высылку дипломатов). В свою очередь, Тереза Мэй, очень рассчитывавшая на то, что Евросоюз возьмёт на себя всю тяжесть нарастающего противостояния с Россией и станет в её комбинации «тяжёлой артиллерией», временно отступила, взяв тактическую паузу. Фактически эта пауза с некоторыми перерывами (на высылку российских дипломатов, на первое – и единственное – публичное интервью Ю. Скрипаль – «чудесно воскресшей» дочери С. Скрипаля) продлилась до последних чисел июля, когда «Скрипаль-гейт» в информационной повестке окончательно отошёл на второй план (западная аудитория потеряла к нему интерес, поскольку никто из организаторов информационной операции вовремя не позаботился о том, чтобы наполнить исходный эмоционально заряженный сценарий раскрутки инцидента в Солсбери конкретными фактами, деталями и действующими лицами, способными внести в изначально невнятную историю необходимый ей «оживляж»). Попытка внести динамику в сценарий с помощью введения в постановку живого актора – Ю. Скрипаль – оказалась неудачной (или несвоевременной, если у МИ-6 уже в ходе самой комбинации на неё появились другие планы) и была отвергнута (судя по тому, что никто больше Ю. Скрипаль после её первого публичного интервью не видел, а второго анонсированного ею интервью так и не состоялось). Затем в августе всё затихло окончательно и о Скрипалях никто не вспоминал вплоть до 5 сентября – дня начала второго этапа операции ИВ. Связано это было, по всей видимости, с тем, что в августе все госслужащие в Великобритании массово уходят в отпуск. Видимо, вся проектная команда, работавшая по «Делу Скрипалей», также всем составом отправилась отдыхать.

Ещё в конце мая (начиная с 23 мая 2018 г.) и в июне 2018 г. основное внимание мировой общественности к «Делу об отравлении Скрипалей» «неизвестными агентами ГРУ» было приковано к дочери Сергея Скрипаля – гражданке Российской Федерации Юлии Скрипаль, неожиданно вышедшей из комы вопреки всем законам логики и здравого смысла (4 марта 2018 г.

¹ См.: Участники саммита ЕС осудили нападение на Скрипаля. Брюссель выражает «абсолютную солидарность» с Великобританией. [Электронный документ] // www.dw.com : [официальный сайт] 22 марта 2018. URL: <https://www.dw.com/ru/участники-саммита-ес-осудили-нападение-на-скрипаля/a-43086019> (дата обращения: 25 февраля 2019).

она была рядом со своим отцом и так же, как и он, получила смертельную дозу боевого отравляющего вещества «новичок»). Это «чудесное воскрешение» Юлии Скрипаль не менее чудесным образом совпало с потерей интереса британского зрителя к данному инциденту (из-за статичности сюжета скандал со Скрипалью стал уходить из информационной повестки СМИ, и возник риск, что скоро и британцы о нём забудут). И в тот самый момент, когда европейский зритель перестал интересоваться Скрипалью и их «горькой судьбой», решив для себя, что многократное повторение одних и тех же «мантр» о виновности России и мифическом «российском следе» никому уже не интересно, Юлия Скрипаль внезапно появилась на публике, в летнем платье, не закрывающем странный шрам неясного происхождения на горле (возможно, оставленный тесаком одного из убийц) и дала СМИ своё первое официальное интервью. В профессиональной среде сразу при этом возникли предположения, что Юлию специально выпустили в публичное пространство для того, чтобы заставить её дать публичные показания в британском парламенте или суде в отношении тех лиц, которых она, возможно, видела на ступенях супермаркета в Солсбери за минуту до того, как потерять сознание. При этом в рамках официальной процедуры опознания ей могли предложить указать на тех людей, которых она, возможно, видела в Солсбери, разложив перед ней фотографии подозреваемых. Учитывая, что после пребывания в коме и, видимо, очень тяжёлого выхода из этого состояния, сопровождаемого галлюцинациями, видениями, бредом и потерей чувства реальности, Юлия вряд ли смогла бы отличить образы реально виденных ею людей от тех, что, возможно, являлись к ней в галлюцинациях, она, вероятнее всего, указала бы на людей случайным образом. А среди этих фотографий наверняка могли бы быть и работники российского посольства, и сотрудники российских спецслужб – «установленные разведчики», работающие под прикрытием, много кто ещё. На кого-нибудь из них она бы наверняка указала, даже тыкая пальцем в фотографии случайным образом. И тогда результаты процедуры опознания стали бы весомым (и, возможно, даже исчерпывающим) доказательством «участия российских спецслужб» в отравлении Скрипальей: официальное опознание виновных в покушении, осуществлённое жертвой покушения собственноручно, и для британской юстиции, и для юстиции других европейских стран – очень серьёзно. А первое публичное интервью Юлии Скрипаль для её кураторов из английской разведки играло роль теста; МИ-6 важно было убедиться в том, что Юлия может давать публичные показания (в плане здоровья она достаточно восстановилась для этого), что она послушна и управляема и что она не попытается использовать режим прямого эфира для совершения действий, не согласованных с её кураторами, – например, для призыва о помощи, отправки сигнала SOS. Этот тест в режиме публичного интервью в записи она, кстати, успешно (с точки зрения её кураторов) прошла.

После первого публичного выступления Юлии Скрипаль в СМИ стало понятно, что следующим шагом будет её официальный допрос по существу дела в Скотленд-Ярде. Однако, вопреки ожиданиям, этого почему-то не произошло. Спустя неполные две недели новости о Ю. Скрипаль вообще пропали из анонсов мировых информагентств, а сама Юлия исчезла в неизвестном направлении. Вскоре о ней все забыли, и где она теперь, никто не знает.

Буквально через неделю после интервью, данного Юлией Скрипаль, в Солсбери ядом неизвестного происхождения отравились ещё два местных жителя (женщина 44 лет и мужчина 45 лет, оба – граждане Великобритании, жители городка Эймсбери). Политические круги Великобритании сразу же обвинили в отравлении этих граждан Россию, заявив, что российские спецслужбы продолжают травить британских мирных граждан для того, чтобы отвести внимание от роли ГРУ в инциденте в Солсбери – т. е. чтобы «запутать следы». В ответ МИД Российской Федерации заявил, что «британским властям следует держать свои химикаты в безопасности» – в этом случае от их утечек «не будут страдать мирные граждане». На этом всё и закончилось: информационный повод, связанный с взаимными обвинениями в продолжении массовых отравлений, не удалось раскрутить ни британской, ни российской стороне, и дело свелось к заурядной взаимной пикировке, оставшейся незамеченной российской и британской аудиториями. На этом «Дело об отравлении Скрипалей» в информационном плане можно было бы считать исчерпанным, если бы не доклад Скотленд-Ярда, содержащий предварительные результаты расследования инцидента в Солсбери, проведённого сыщиками и криминалистами. 5 сентября 2018 г. Скотленд-Ярд впервые заявил, что его сотрудникам удалось установить личности «исполнителей» покушения на жизнь Скрипалей: по мнению британской криминальной полиции, это граждане Российской Федерации Петров и Боширов, посетившие дом Скрипалей за несколько часов до инцидента и случайно попавшие в объективы камер наружного наблюдения. С этого самого момента происходит новый взлёт детективной истории о покушении на Сергея и Юлию Скрипалей, так как её сюжет пополнился двумя новыми персонажами – реально существующими людьми, с реальными фамилиями и паспортными данными, «агентами-боевиками» ГРУ. Таким образом, абстрактная inferнальная угроза британским мирным жителям со стороны не менее непонятного для них ГРУ была персонифицирована в лице двух конкретных типов, один вид которых вызывает мелкую дрожь у любого нормального человека. Между тем этот приём далеко не нов: именно так 2000-х гг. предельно абстрактный, расплывчатый образ «международного терроризма» приобрёл своё воплощение («бренд») в виде Усамы бен Ладена, персональный образ которого оказался простым и доступным для понимания любого американского и европейского обывателя.

Целью настоящей статьи является выяснение вопроса о том, чем же действительно является «дело Скрипалей» и какую роль оно играет в современных взаимоотношениях России с Западом.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ: «ИГРА С ПОШАГОВЫМ ПОВЫШЕНИЕМ СТАВОК»

Инцидент в Солсбери, на первый взгляд, производит впечатление не операции спецслужб (кем бы они ни были), а результата деятельности криминальных группировок, связанных с хищением и транзитом боевых отравляющих веществ и ядов. Действительно, покушение на убийство Сергея и Юлии Скрипалей исполнено грубо и (на первый взгляд) непрофессионально, с большим количеством следов и улик, специально оставленных на месте совершения преступления. Следами отравляющего вещества заражена вся территория вокруг входа в торговый центр, кусты, скамейки, даже трава и листва деревьев (так, как будто их опрыскивали); более того, следы яда криминалисты нашли внутри дома Скрипалей и даже на шерсти их кота. Исходя из этого, специалисты сразу сделали вывод, что покушение на убийство С. и Ю. Скрипалей совершено непрофессионалами: кадровый работник спецслужб позаботился бы о том, чтобы следов не осталось вообще, или, по крайней мере, о том, чтобы они не бросались в глаза. Однако это не так.

На деле так называемый солсберийский инцидент – «Дело об отравлении Скрипалей» – является классической разведывательной операцией, известной в профессиональной деятельности разведок всего мира как «Игра с пошаговым повышением ставок» (табл. 1).

Это четырёхходовая оперативная комбинация, состоящая из последовательности информационных вбросов, вызывающих у граждан Великобритании немедленную и ожидаемую эмоциональную реакцию, и периодов экспозиции («тишины»), в течение которых эта реакция считывается и анализируется; результаты анализа затем используются для коррекции содержания первоначального вброса с целью его более тонкой «настройки» на болевые точки мишени информационного воздействия.

С этой точки зрения – технологически – «Дело об отравлении Скрипалей» ничем не отличается от других операций информационной войны («Панамского досье», «Кремлевского доклада Минфина США», «Дела Марии Бутиной», «Олимпийского допингового скандала», «Аргентинского кокаинового дела» и т. д.), кроме одной характерной особенности: в истории с отравлением Сергея и Юлии Скрипалей с каждым новым информационным вбросом («шагом») ставки по всем основным позициям также поднимаются на одну ступень («шаг»).

Таких позиций в «Деле об отравлении Скрипалей» пять:

1) официальный статус заявителя, участвующего в «повышении ставок», от имени которого осуществляется очередной информационный вброс по «Делу Скрипалей»;

2) официальный статус происшествия (инцидента) (поясняющий, что именно произошло с пострадавшими Сергеем и Юлией Скрипалей в британском городе Солсбери);

3) статус объекта, на который было совершено покушение;

- 4) вещество, ставшее причиной отравления пострадавших в Солсбери;
- 5) кто виноват в том, что Скрипаль и его дочь пострадали (конкретная личность, группировка или страна, организовавшие нападение; кто за этим стоит).

Для того чтобы увидеть «игру с пошаговым повышением ставок» в действии, необходимо разобрать механизм реализации «Дела Скрипалей» пошагово, «step-by-step».

Первый шаг операции «Дело Скрипалей» совершается в тот самый момент, когда в британских местных газетах, телевидении и блогах появляется первая информация с места происшествия – об инциденте, произошедшем в универсаме в Солсбери. Из сообщений местных СМИ становится известно, что в районе полудня (в промежутке между 14.00 и 14.30 по местному времени) у входа в супермаркет потеряли сознание два человека – мужчина и женщина (предположительно, местные жители, приехавшие в магазин за покупками; имена пострадавших не называются), их в тяжёлом состоянии отвезли в реанимацию. На место происшествия прибыли сотрудники криминальной полиции Великобритании, быстро оцепили территорию и стали совершать неотложные оперативно-следственные действия, предусмотренные британским уголовно-процессуальным кодексом. При этом рабочей версией, обрабатываемой британской полицией в связи с инцидентом в Солсбери, стал элементарный «несчастный случай». Никто не знал и не мог сказать, чем же именно отравились эти два гражданина – некачественной пищей, купленной здесь же, в Солсбери, с рук; бытовым токсином или ядом. Первой реакцией британской общественности на трагедию в Солсбери стали сочувствие к пострадавшим и искреннее стремление помочь этим людям.

Это, в свою очередь, сыграло роль в раскрутке инцидента: на волне простого человеческого сочувствия происшествие в Солсбери быстро оказывается в фокусе внимания широких слоёв общественности и взмывает в верхние строчки лент новостей. На основе инцидента формируется информационный повод, который быстро подхватывается британскими СМИ, на этот раз уже национального уровня (местные СМИ при этом уходят на второй план и теряют способность влиять на восприятие инцидента британскими обывателями), что, в свою очередь, стимулирует общество к широкому обсуждению того, что же на самом деле произошло 4 марта в Солсбери: несчастный случай или убийство двух и более лиц. В тот самый момент, когда внимание значительной части британского общества становится в буквальном смысле приковано к развитию событий вокруг отравления двух местных жителей в Солсбери, операция британских спецслужб переходит на новый (второй по счёту) этап: происходит второй информационный вброс, причём осуществляется он уже от имени высокопоставленного официального лица, представляющего британскую власть – в расследование обстоятельств отравления Сергея и Юлии Скрипалей включается официальный представитель британской военной разведки МИ-6.

Таблица 1

Первый этап «Дела Скрипалей» (4 марта – 22 марта 2018 г.) – «игра с пошаговым повышением ставок»

№ шага	Официальный статус заявителя, от имени которого осуществляется информационный вброс	Официальный статус инцидента (происшествия) – что именно произошло со Скрипалем и его дочерью в британском Солсбери	Официальный статус объекта, подвергшегося нападению (атаке) – «кто он»	Вещество, ставшее причиной отравления группы пострадавших лиц (чем именно был отравлен Скрипаль и его дочь)	Кто виноват в том, что Скрипаль и его дочь пострадали (персона, группировка или страна, организовавшие нападение)
1	Британские СМИ (в основном, местные газеты, блоги, паблики)	Два человека пострадали в результате отравления, их отвезли в реанимацию в тяжёлом состоянии	Два гражданина Великобритании – местные жители	Неизвестно; возможно, отравились пирожками с истекшим сроком годности	Никто; предварительная версия - несчастный случай
2	Официальный представитель МИ-6	Покушение на убийство в форме преднамеренного отравления боевым отравляющим веществом. 1. Один из отравившихся – С. Скрипаль, бывший сотрудник ГРУ и платный агент МИ-6, сдавший британской разведке много русских разведчиков-нелегалов (за что РФ должна его очень не любить). 2. Вещество, которым отравлен Скрипаль – «новичок», разработанный в СССР	Сергей Скрипаль – бывший агент МИ-6, много сделавший для национальной безопасности Великобритании; бывший сотрудник ГРУ, разоблаченный ФСБ и отсидевший лишь часть положенного ему срока.	«новичок», разработанный в СССР, запасы которого, вероятно, до сих пор есть в РФ	Может быть, к этому делу каким-то образом причастна и Россия (как страна происхождения «новичка») [МИ-6 допускает участие РФ, но не уверена в этом – «предположительно, это Россия»]
3	Тереза Мэй (12.03.18, парламент ВБ)	Химическая атака на британских граждан	Британские мирные граждане (едва ли не всё население Солсбери и его окрестностей) – часть британского общества	Боевое отравляющее вещество «новичок»	Скорее всего, это Россия («потому что... а кто же еще?») + ультиматум: в течение суток (т. е. вечером 13 марта) РФ должна «правдоподобно объяснить», иначе ВБ будет рассматривать инцидент как акт военной агрессии
4	Постоянный представитель ВБ при СБ ООН Карен Пирс, Заместитель постпреда ВБ при СБ ООН Джонатан Аллен (14.03.18, экстренное заседание СБ ООН)	Применение оружия массового уничтожения против британского народа	Весь британский народ	Оружие массового уничтожения	Совершенно точно это Россия и никто иной

Заявление официального представителя МИ-6, сразу поднявшее «ставки» по всем основным параметрам ещё на один шаг, происходит в тот самый момент, когда британские обыватели, следящие за развитием скандала в СМИ, начинают испытывать «информационный голод» и требовать новых подробностей по тому, что же именно произошло 4 марта в Солсбери на ступенях торгового центра (в обществе уже сформирован информационный запрос на детали и обстоятельства расследования инцидента). И они такую информацию получают: официальный представитель британской военной разведки МИ-6 делает сразу два вброса – о личности одного из пострадавших (теперь он приобретает собственное имя – Сергей Скрипаль – и статус спецсубъекта) и о веществе, ставшем причиной отравления пострадавших в солсберийском инциденте. И эти подробности поднимают интерес к «Делу Скрипалей» на новый, необычайно высокий уровень.

МИ-6, действуя через своего официального представителя, заявляет, что Сергей Скрипаль – бывший (платный) агент британской разведки, имеющий заслуги перед Великобританией, чем и объясняется особый интерес МИ-6 к данному делу. Одновременно с этим шокирующим заявлением становится известно, что Сергей Скрипаль – русский, бывший сотрудник Главного управления ГШ ВС РФ (ранее называвшегося ГРУ), который был разоблачён, задержан, осуждён за измену Родине и впоследствии амнистирован с целью обмена на группу российских разведчиков-нелегалов, арестованных в 2010 г. в США в результате предательства сотрудника СВР. На основании этих сведений британская разведка МИ-6 выдвигает предположение о том, что отравление Скрипалей – не несчастный случай, а уголовное преступление (покушение на убийство двух и более лиц) и что к нему могут быть причастны бывшие сослуживцы Сергея Скрипала по ГРУ, так и не простившие ему предательства и считающие, что он до конца так и не искупил своей вины перед Родиной (так как отсидел не весь положенный ему срок). Официальный представитель МИ-6 также сообщил журналистам, что поселившийся в Солсбери Сергей Скрипаль продолжал сотрудничать с британской разведкой, помогая ей выявлять российских разведчиков-нелегалов, что и могло послужить ещё одним доводом к его физическому устранению.

Официальный представитель МИ-6 также сообщил некоторые интересные сведения относительно вещества (яда), которым были отравлены Сергей и Юлия Скрипали. Выясняется, что это – сильнодействующий яд «новичок», боевое отравляющее вещество класса VX, разработанное в бывшем Советском Союзе. После распада СССР запасы «новичка» могли оказаться на территории России, откуда их, возможно, доставили в Великобританию (в количестве, достаточном для отравления двух человек).

В результате этих заявлений в «Деле об отравлении Скрипалей» появляется «русский след»: в Солсбери Сергей Скрипаль (русский по происхождению) был отравлен боевым отравляющим веществом, разработанным в СССР и привезённым, возможно, из тех же мест (из России).

В результате этого заявления в «Деле Скрипалей» произошло первое «повышение ставок»:

1. Официальный статус заявителя (источника новых сведений об инциденте со Скрипалями) поднялся на одну ступень (шаг): если прежде главным источником сведений о происшествии в Солсбери были местные солсберийские журналисты, то теперь источником новых сведений об инциденте стал официальный представитель британской разведки МИ-6 – государственный чиновник высокого ранга.

2. Официальный статус происшествия (инцидента) также изменился: первоначально инцидент в Солсбери рассматривался как несчастный случай. Однако теперь, после заявления офицера МИ-6, его стали рассматривать как уголовное преступление – покушение на убийство двух и более лиц.

3. Причиной отравления двух местных жителей на ступенях универмага в Солсбери на этот раз стало не употребление некачественных продуктов, а сильнодействующий яд «новичок», представляющий собой боевое отравляющее вещество класса VX, разработанное в бывшем СССР.

4. Официальный статус двух пострадавших в Солсбери также поднялся на одну ступень: если до официального заявления МИ-6 речь шла только о двух неизвестных местных жителях, пострадавших случайно, то теперь выяснилось, что у этих жителей есть имена (Сергей и Юлия Скрипаль) и что один из них – весьма примечательная личность: это бывший офицер ГРУ, завербованный британской разведкой МИ-6 и ставший её платным агентом. Таким образом, Сергей Скрипаль не является простым английским обывателем, а обладает особым статусом спецсубъекта, из-за которого МИ-6 и встряла в это дело, защищая своего бывшего агента.

5. Изменился и статус виновника инцидента (кто организовал покушение на Скрипалей), и тоже на один шаг: вместо формулировки «никто не виноват – это трагическая случайность» (несчастный случай) появилось пока ещё смутное предположение о том, что к инциденту косвенно может иметь отношение Россия (Скрипаль – русский; бывший агент ГРУ – значит, у русских он положительных эмоций вызывать не может; да и отравили его не напитком или едой, а «новичком», разработанным в СССР – это тоже неспроста).

Вброс официальным представителем МИ-6 в публичное пространство двух порций уточняющей информации об инциденте в Солсбери существенно повысил градус обсуждения происшествия со Скрипалями и перевёл дискуссию на международный уровень: в считанные часы после заявления, сделанного МИ-6, к обсуждению инцидента подключились как общенациональные британские, так и международные средства массовой информации. На пике интереса к новым обстоятельствам трагедии в Солсбери и её фигурантам в дискуссию вмешалась лично премьер-министр Великобритании, глава правящей партии Тереза Мэй. Именно вмешательство в «Дело об отравлении Скрипалей» высшего должностного лица Великобритании перевело британ-

скую операцию информационной войны на новую, но вполне ожидаемую, степень развития. При этом ставки в «игре» поднялись ещё на один уровень.

Третий шаг в раскручивании версии об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей агентами российской разведки произошёл в том самый момент, когда Тереза Мэй вышла на трибуну перед Палатой общин британского Парламента с официальным заявлением о «трагедии, постигшей весь британский народ» в Солсбери. Выступая 12 марта 2018 г. в Парламенте Великобритании, Тереза Мэй сделала ряд публичных заявлений, содержащих прямые обвинения и угрозы в адрес Российской Федерации. В частности, она заявила, что в Солсбери была совершена химическая атака на мирных британских граждан; причём, по мнению британского премьер-министра, за этой химической атакой могли стоять российские спецслужбы («возможно, это Россия»). Из контекста выступления Т. Мэй следовало, что британский премьер-министр твёрдо уверена в том, что отравление Скрипалей организовали российские спецслужбы, никто другой этого сделать не мог, и что она ждёт лишь неопровержимых доказательств, которые с минуты на минуту ей должны предоставить британские специальные службы. На тот момент уверенность в своей правоте у Т. Мэй была настолько велика, что она, не вдаваясь в подробности произошедшего в британском Солсбери, сразу перешла к выдвижению в адрес России ультиматума: Тереза Мэй потребовала от России, чтобы та в течение 24 часов добровольно призналась («предоставила объяснения») в совершении особо тяжкого преступления в Солсбери, иначе Россия будет жёстко наказана. Как именно Россию накажут, будет объявлено позже.

В результате этого заявления в «Деле об отравлении Скрипалей» произошло уже второе по счёту повышение ставок по всем ключевым параметрам операции:

1. Официальный статус заявителя (источника информации об инциденте) поднялся на ещё одну ступень: официального представителя британской разведки МИ-6 на этом посту сменило высшее должностное лицо Великобритании – премьер-министр Соединённого Королевства. Выше только королева. Высокий статус заявителя в раскручивании «Дела об отравлении Скрипалей» должен был подкрепить голословные обвинения в адрес России своим авторитетом.

2. Изменился официальный статус инцидента: если в заявлении МИ-6 речь шла о совершении уголовного преступления (покушение на убийство двух и более лиц), то теперь инцидент стал рассматриваться как химическая атака на мирных граждан Великобритании. Впервые в заявлениях официальных лиц появляется ещё один спецсубъект: британские граждане, составляющие часть британского общества, ставшие жертвой химической атаки.

3. Статус отравляющего вещества также изменился на один шаг: теперь это уже не сильнодействующий яд, а боевое отравляющее вещество, распыленное в ходе химической атаки на мирных граждан Великобритании, такое

же, как в токийском метро в 1995 г. (осуществлено тоталитарной сектой «Аум Сенрикё») или террористами в Восточной Гуте (пригород Дамаска, Сирия) 8 апреля 2018 г.

4. Статус виновника инцидента (который теперь стал химической атакой) также определился: на эту роль Терезой Мэй (с некоторыми оговорками типа «возможно, но...») была назначена Россия. Таким образом, позиция обвинения за предельно короткий срок прошла путь от предположения «вероятно, Россия» (позиция британской разведки МИ-6) до прямого обвинения «скорее всего, именно Россия» (прозвучавшего в заявлении премьер-министра Великобритании Терезы Мэй). Россию попытались сделать главным фигурантом дела об отравлении британских граждан.

Западное общественное мнение с одобрением восприняло заявления Т. Мэй, поскольку сюжет о химической атаке на мирных граждан был очень хорошо знаком британским и американским обывателям:

- обвинение С. Хусейна в организации химических атак на иракских «болотных» шиитов и курдов стало причиной второй иракской войны, в ходе которой погиб сам С. Хусейн и 800 тысяч иракских граждан;

- именно демонстрацией «белого порошка в пробирке», выдаваемого за химическое оружие, аргументировал бывший госсекретарь США Колин Пауэлл в Совете безопасности ООН необходимость проведения военной операции против Ирака в 2003 г.;

- обвинение Башара Асада в применении в Сирии (в Восточной Гуте) химического оружия, выдвинутое действующей под колпаком ЦРУ организацией «Белые каски», едва не стоило режиму Асада войны с США и странами Запада, и только активные действия России, настоявшей на уничтожении всех запасов химоружия, которыми располагал на тот момент сирийский режим, остановили в Сирии начало новой кровопролитной войны по ливийскому и иракскому сценарию;

- наконец, именно в организации химической атаки обвинили Секу Асахару, лидера тоталитарной секты «Аум Сенрикё», в 1995 г. отдавшего приказ распылить зарин в токийском метро.

Таким образом, устами Т. Мэй была предпринята попытка поставить руководство России, якобы отдавшее приказ на проведение химической атаки против мирных граждан Великобритании, в один ряд с Б. Асадом, С. Хусейном и С. Асахарой.

Заявление Т. Мэй оказало значительное влияние на западное общественное сознание. При этом её заявление носило не только радикальный ультимативный, но и явно выраженный «вирусный» характер: в заявлении Мэй «поверить» в виновность России присутствовала прямая апелляция не к разуму, а к эмоциям. А для охваченного эмоциями общества аргументы больше не нужны: вопрос доказательства причастности России к инциденту в Солсбери с этого момента стал вопросом веры. В результате под влиянием

экспрессивных выступлений своего премьер-министра и нарастающей общей истерии часть британского общества превратилась на некоторое время в псевдорелигиозную секту.

Сравнение России и её руководства, якобы отдавшего приказ об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей («химической атаки против британского народа»), с Саддамом Хусейном и Секу Асахарой, а ГРУ – с «Аум Сенрикё» вызвало в западном общественном сознании «эффект разорвавшейся бомбы»: едва оправившись от шока, вызванного уmozаклочениями Терезы Мэй, западное общество тут же забыло о доказательствах, которые Мэй только обещала предъявить (но так и не сделала этого), и мгновенно переключилось на обсуждение того, как именно следует Россию покарать за тот страх и ужас, который британцы только что пережили. В общественном сознании западных обывателей произошёл так называемый «тумблерный эффект», хорошо известный в психологии: ещё вчера европейцы ждали от Терезы Мэй обещанных ею «неопровержимых доказательств» виновности России, напряжённо гадая, чем же они могут быть, и вот уже на следующий день всё внимание западного общества оказывается полностью поглощено поиском способа побольше наказать Россию, виновность которой уже никем не подвергается сомнению (все в неё поверили) и потому уже никого не интересует. На это организаторы информационной операции и рассчитывали. С этого момента начинается четвёртый, заключительный, этап реализации четырёхходовой оперативной комбинации, известной как «Дело Скрипалей» или «Дело об отравлении Скрипалей». Ставки по всем параметрам повышаются в четвёртый раз.

На этом – четвёртом по счёту – этапе главным заявителем по «Делу Скрипалей» становится Постоянный представитель Великобритании в СБ ООН К. Пирс, которая на созванном по инициативе Соединённого Королевства внеочередном заседании Совбеза заявил, что в Солсбери Российская Федерация применила – ни много, ни мало – в отношении народа Великобритании оружие массового уничтожения (ОМУ). При этом:

1. статус инцидента, произошедшего в Солсбери, снова повысился: теперь это уже не локальная «химическая атака», а «акт прямой вооружённой агрессии со стороны иностранного государства» (в данном случае – со стороны России), «осуществлённый в форме применения оружия массового уничтожения» против всего «народа Великобритании»;

2. статус объекта, на который совершено нападение, также повышается на одну ступень: если раньше объектом пресловутой «химической атаки» в выступлениях Терезы Мэй выступала «группа британских мирных граждан» (не совсем маленькая, но и не очень большая – в состав этой группы явно вошло далеко не всё население Соединённого Королевства), то теперь объектом нападения (применения ОМУ) стал весь народ Великобритании, что вызвало шок среди участников заседания СБ ООН. Это, кстати, вполне понятно:

ведь если речь идёт о применении оружия массового уничтожения против мирных граждан (кем бы они ни были и где бы не находились), это – угроза международной безопасности, причём опаснее, чем ИГИЛ², и эта угроза требует от СБ ООН немедленного силового реагирования;

3. официальный статус заявителя, казалось, не только не повысился, а, наоборот, упал: постпред Великобритании при Совете Безопасности ООН формально является подчинённым Терезы Мэй. Но здесь дело в другом: в данном случае представитель Великобритании выступал не от собственного имени и даже не от британского правительства, а от имени всей британской нации, что делает его статус выше статуса премьер-министра (Тереза Мэй, хотя и будучи формально выше по должности, в реальности представляет только правящую партию и её сторонников, а постпред представляет весь британский народ и говорит от его имени, обращаясь ко всему международному сообществу сразу);

4. статус виновника солсберийской трагедии приобрёл завершённый вид: виновник отравления С. и Ю. Скрипалей, химической атаки и применения ОМУ определён окончательно, без права обжалования. Это – Россия, «и никто иной кроме неё»³. Преступник найден и изобличён, доказательств его вины больше не требуется. На этом четырёхходовая оперативная комбинация временно завершилась, дав возможность Терезе Мэй приступить к закреплению и легализации достигнутых результатов уже на международном (общеевропейском) уровне. При этом следующим ходом Терезы Мэй стала попытка вовлечь в конфликт с Россией другие страны ЕС, создав видимость «коллективного истца» и тем самым технично переложив большую часть ответственности за разжигание конфликта на других членов Европейского Союза. Для Т. Мэй это было бы реальным спасением: нести ответственность за солсберийскую авантюру в одиночку очень страшно – вдруг всплывут реальные доказательства того, что отравление Скрипалей от начала и до конца было организовано именно британскими спецслужбами? В этом случае Мэй придётся отвечать за всё самой, лично, и это может закончиться для действующего премьер-министра даже не отставкой, а вполне реальным тюремным сроком. Есть о чём задуматься.

Действуя в этом направлении, Тереза Мэй частично своего добилась: услышав её призыв, более двадцати стран согласились выслать российских

² Организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

³ 1) 14 марта 2018 г. в ходе заседания Совета Безопасности ООН Постпред Великобритании К. Пирс официально обвинила Россию в нарушении Конвенции о запрещении химического оружия. 2) Из выступления заместителя постпреда Великобритании при СБ ООН Дж. Аллена (14 марта 2018 г.): «У нас нет другой альтернативы, кроме как прийти к выводу, что российское государство несет ответственность за попытку убийства господина Скрипаля и его дочери, а также сотрудника полиции Ника Бейли, и ставит тем самым под опасность жизнь британских граждан в Солсбери». См.: Британия против России: главные аргументы в Совбезе ООН. [Электронный документ] // www.bbc.com : [официальный сайт]. 15 марта 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43411361> (дата обращения: 25 февраля 2019)

дипломатов, причём США в знак особой солидарности выслали из страны аж шестьдесят сотрудников российской дипмиссии (кстати, не все из них при этом были дипломатами). Дальнейшее доказательство вины России в отравлении Скрипалей было увязано с событиями в пригороде Дамаска – Восточной Гуте, где 8 апреля 2018 г. неизвестная группировка организовала уже реальную химическую атаку на мирное население, став для британской стороны, раскручивающей скандал со Скрипалями, настоящим подарком. Это тут же было расценено США и Великобританией как «применение оружия массового уничтожения», в чём обвинили Иран, Б. Асада и лично президента В. В. Путина. Следующей целью британских и американских пропагандистов стала попытка объединить расследования химических атак в Солсбери и Восточной Гуте в «одно судебное производство» (в единое целое), продвигнув на волне расследования новый тезис о том, что «преступный кремлёвский режим» уничтожает с помощью ОМУ своих противников по всему миру, и, следовательно, никто от этого не застрахован.

ВТОРОЙ ЭТАП ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПЕТРОВ, БОШИРОВ И МЕТОД «ЗАГОННОЙ ОХОТЫ»

Между тем рано или поздно любой скандал приедается и на него перестают обращать внимание. И если историю надо продолжать, то в надоевший всем спектакль надо вводить либо новые сюжетные повороты (факты), либо новых действующих лиц.

Именно это и стало происходить с затянувшимся и уже изрядно поднадоевшим «Делом об отравлении Скрипалей»: как только интерес массовой аудитории (британской, американской, европейской) к «химической атаке» в Солсбери стал пропадать, в «деле Скрипалей» тут же появились новые фигуранты.

С появлением Петрова и Боширова в операции «Дело об отравлении Скрипалей» начался новый этап, известный в информационной войне как «Загонная охота». Применение этого метода на практике предполагает выманивание противника на предлагаемую ему информационную «приманку», провоцирование противника на неосторожные, эмоционально окрашенные заявления, сделанные «в запале», и затем разоблачение предлагаемых противником «объяснений» той или иной ситуации – с обязательным уличением противника во лжи. Именно так и действовала МИ-6, сначала мотивируя российскую сторону на дачу «откровенных признаний» и «ответственных заявлений» по тем или иным обстоятельствам дела, а затем эти признания и заявления публично разоблачая путём предания огласке фактов и доказательств, о наличии которых у британской разведки российская сторона даже не догадывалась. Тем самым российскую сторону раз за разом уличали, как минимум, в неискренности и в невладении ситуацией, а как максимум, во лжи. Схема этого этапа операции информационной войны представлена в таблице 2 (Приложение).

К сожалению, российская сторона реагировала не системно, а реактивно (эмоционально), в итоге дав заманить себя в расставленную МИ-6 ловушку «множественными нестыковками, присутствующими в отчёте Скотленд-Ярда по “Делу Скрипалей”» (нестыковками в надписях на тех самых кадрах с камер наружного наблюдения в аэропорту Хитроу, которые были специально сфальсифицированы в расчёте на то, что именно это попадётся «русским» на глаза в первую очередь и «русские» за это уцепятся), зафиксировавшими прохождение Боширова и Петрова в аэропорту Хитроу по одному и тому же внутреннему коридору и в одно и то же время (на кадрах время прохождения Петрова и Боширова зафиксировано с точностью до секунды, и это время у обоих с абсолютной точностью совпадает).

Во всей этой истории никто до сих пор так и не задался вопросом: зачем профессиональным сыщикам из Скотленд-Ярда так явно выставлять на всеобщее обозрение свою неспособность грамотно сфабриковать «веские доказательства» по делу. Ведь это же элементарно: любой лондонский школьник за пять минут в фотошопе исправит время на кадрах с Петровым и Бошировым – так, чтобы оно не совпадало. Это вообще не составляет большого труда даже для новичков-любителей. Почему это не смогли сделать опытные оперативники британской криминальной полиции – вообще большая загадка.

Думается, причина «оплошности» состоит в том, что британские спецслужбы сделали это намеренно для того, чтобы вызвать ответную предельно возмущённую реакцию российской стороны и выманить Петрова и Боширова в открытое публичное пространство. Именно так и произошло. Российская сторона своими последующими действиями действительно доказала не только Великобритании, но и всему миру, что Петров и Боширов – реальные люди, российские граждане, а не придуманные британской разведкой МИ-6 виртуальные персонажи (как первоначально заявляло российское министерство иностранных дел: «в наших учётах люди с такими фамилиями не числятся, значит, их нет»⁴) или безработные английские актёры, нанятые МИ-6 играть российских агентов-ликвидаторов из ГРУ за конкретные деньги и от общей нищеты и безысходности.

И британская разведка всё правильно рассчитала: 12 марта 2018 г., выступая на Восточном форуме и отвечая на вопросы журналистов, Президент Российской Федерации В. В. Путин лично посоветовал Петрову и Боширову «выйти из тени» и дать интервью российским СМИ. И уже через три часа оба фигуранта солсберийского международного скандала позвонили главно-

⁴ М. Захарова, 5 сентября 2018 г.: «В СМИ появились заявления британских официальных лиц относительно подозреваемых по делу Солсбери и Эймсбери. Делается уязвка с Россией. Опубликованные в СМИ имена, как и фотографии, нам ничего не говорят»; «Если эти люди (подозреваемые), по утверждению британской стороны, заехали с территории России, они должны были получить британские визы. Соответственно, будьте добры, пальчики на стол» [Электронный документ] // NEWSru. 5 сентября 2018. URL: <https://www.newsru.com/world/05sep2018/skripal.html> (дата обращения: 25 февраля 2019).

му редактору телеканала «Russia Today» Маргарите Симонян на её личный мобильный телефон и договорились о встрече. К радости британских спецслужб Петров и Боширов «засветились», тем самым подтвердив как факт своего существования, так и свои персональные и биографические данные: фамилии, гражданство и факт пребывания в Солсбери, причём пребывания в тот самый день, когда произошло покушение на Скрипалей.

Беседа Петрова и Боширова с Маргаритой Симонян (RT) вызывает странное чувство: это мероприятие не только не сняло прежних вопросов о возможном участии этих граждан РФ в событиях в Солсбери, но и, наоборот, породило новые вопросы. По сути, мероприятие оказалось провальным: двое мужчин возрастом примерно сорок лет, назвавшиеся Петровым и Бошировым, в разговоре с Симонян чувствовали себя очень неуверенно, были предельно зажаты, постоянно сбивались с мысли, явно чего-то очень сильно боялись и отвечали на задаваемые им вопросы как первоклассники, прогуливающие школу и случайно пойманные учителями; в ряде случаев они просто не знали, как отвечать на задаваемые им простые вопросы (так, чтобы потом строгое начальство их не наказало; типичный пример – вопрос: «А вы работаете в ГРУ?»; ответ: «А вы?»). С их лиц в течение всей беседы не сходило выражение испуга. И вообще, оба создавали впечатление людей, которых направили в студию RT по приказу, причём совсем не подготовив к разговору с М. Симонян: своей боязнью сказать что-то лишнее (случайно проговориться) Петров и Боширов словно бы сознательно вводили аудиторию RT в заблуждение. Зжатость, сквозившая в их поведении, выдавала в них чиновников или военных; во всяком случае, на коммерсантов они были совсем не похожи.

Выражение лиц Петрова и Боширова (то, как бегали у них глаза, кривые улыбки, округлённые от страха глаза и т. п.), напряжённые позы, непроизвольные жесты явно диссонировали с тем, что они заявляли. И это тоже очень явно и отчётливо бросалось в глаза. В результате в «историю о происхождении» (легенду) Петрова и Боширова вряд ли кто поверил. Более того, своим поведением эти два персонажа абсолютно гениальным образом убедили зрителей в обратном – в том, что они совершенно точно, прямо или косвенно, замешаны в инциденте в Солсбери. В итоге интервью на RT не только не решило задачи вывода Петрова и Боширова (или людей, выступавших под этими фамилиями) из скандальной истории, случившейся 4 марта 2018 г. в Солсбери, но и ещё сильнее их в эту историю втянуло. Интервью Петрова и Боширова российскому каналу RT британские СМИ сразу же назвали «ответным ходом Москвы», пытающейся любыми способами спасти уплывающую из-под контроля ситуацию. Вместе с тем МИ-6 и Скотленд-Ярд при этом выразили удовлетворение достигнутыми промежуточными результатами в пикировке с Москвой: действительно, Петров и Боширов, попав на RT, своими

собственными признательными показаниями подтверди те «узкие» моменты версии Скотленд-Ярда, которые британские полицейские в принципе не могли доказать сами, а именно факт существования людей с такими именами и фамилиями и факт пребывания их в Солсбери в день отравления Скрипалей. Создаётся впечатление, что российскую сторону грамотно разыграли, поскольку без подтверждения предположений Скотленд-Ярда, сделанного собственноручно Петровым и Бошировым, версия британской криминальной полиции обязательно бы рассыпалась. По сути, в данном эпизоде (к сожалению, не единственном в этом деле) российская сторона сделала за британских сыщиков их работу. А МИ-6 перешла к следующему этапу операции, нанеся новый удар с той стороны, откуда его не ждали.

14 сентября 2018 г. британские СМИ опубликовали новый вброс информации по «Делу Скрипалей» – копию заявления на получение загранпаспорта, заполненное лично Русланом Бошировым. Заявление было взято (видимо, украдено) из того самого паспортного стола, в котором Баширов и его друг Петров получали свои заграничные паспорта.

Заявление, похоже, оказалось подлинным: его выкрали (а, может, выкупили) из паспортного стола задолго до начала самой операции и придерживали у себя в ожидании того самого часа «Ч», когда Петров и Боширов выйдут из тени в публичное пространство и расскажут общественности свою версию всего произошедшего с ними в Солсбери.

На ксерокопии заявления о выдаче загранпаспорта стоит оттиск штампа прямоугольной формы с текстом «сведения не выдавать». Ниже указан номер телефона, по которому, по всей видимости, следует сообщать о любых попытках третьих лиц эти сведения в паспортном столе получить. При этом британская разведка поступила очень грамотно: она не стала сама проверять попавшие ей в руки сведения, а просто передала изображение этого заявления (без каких-либо комментариев и инструкций) известным и авторитетным британским журналистам, вообще не связанным с разведкой, которые позвонили по номеру, указанному на оттиске штампа, и убедились, что этот номер принадлежит Министерству обороны Российской Федерации (так им простодушно и по-военному прямо сообщил некто, взявший на том конце провода трубку). В результате этого разговора у проводивших импровизированное расследование британских журналистов появились основания считать, что Боширов, возможно, в своём интервью телеканалу RT врал: никакой он не гражданский человек и уж тем более не тренер по фитнесу (как он сам о себе заявлял). Т. е. Боширова и Петрова очень профессионально, грамотно, очень ловко и технично «развели» на интервью, в котором он из-за спешки (ну не успели их подготовить – очень, видимо, спешили выполнить указание президента) проговорился по ряду пунктов, а затем подловили на лжи. Кроме того, с этого момента стало понятно, что у британской разведки на Боширова и Петрова, помимо материалов и фактуры, опубликованной в от-

чёте Скотленд-Ярда, есть ещё дополнительные данные («kozyри»), которые британцы сразу не стали предавать огласке. И эту фактуру они специально придерживают для того, чтобы ловить ведущих российских спикеров (и официальных лиц тоже) на лжи, вбрасывая всё новые и новые факты в публичное пространство в тот самый момент, когда эти спикеры, как всегда наговорившие впопыхах лишнего, будут стремиться вывернуться из неприятной ситуации. И ловить их на повторяющемся от раза к разу вранье до тех пор, пока в «патологическую лживость» российской стороны не станут верить даже те, кто изначально предельно критически относился к предложенной Великобританией версии резонансного происшествия в Солсбери.

Таким образом, за этими вбросами, реализующими метод «загонной охоты», начала явно проступать классическая схема англосаксонской (на самом деле американской) операции информационной войны, состоящей из последовательности информационных вбросов, разделённых периодами тишины (экспозиции) [4], необходимой организаторам операции ИВ для того, чтобы дать сопернику (в данном случае Российской Федерации) самому себя накрутить («кольцо» то «загонной охоты» с каждым новым вбросом сжимается и скоро начнёт «душить»), и, в итоге, начать паниковать, метаться и истерить [10].

В завершении этой «истории» с Петровым и Бошировым нельзя не отметить ещё одного момента, исключительно важного: публичного участия Президента Российской Федерации В. В. Путина в организации встречи Петрова и Боширова с Маргаритой Симонян на канале RT. Трудно сказать, кто именно из его окружения посоветовал Владимиру Владимировичу сделать этот шаг. Но результат оказался налицо: заявив, что «мы знаем, кто такие Петров и Боширов» и что они «обычные люди», «гражданские, конечно», коммерсанты, никогда не имевшие отношения ни к гражданской, ни к военной службе, В. В. Путин фактически за этих двух персонажей поручился. Причём сделал это публично. И тем самым добровольно (т. е. без внешнего принуждения, с подачи С. Брилева, задавшего Президенту РФ на Восточном экономическом форуме заранее подготовленный вопрос) дал себя загнать в тот самый предельно узкий «коридор принятия решений», в котором у него уже не осталось пространства для манёвра. Это и есть принцип «загонной охоты». Ведь если впоследствии вдруг выяснится, что Петров и Боширов всё-таки были на военной или гражданской службе, в неискренности будут обвинять не только их самих (вспомнив их интервью RT), но и Президента Российской Федерации. И это едва ли не самое плохое в данной истории с двумя «несостоявшимися звездами голубого экрана».

Личное участие Президента РФ в судьбе Петрова и Боширова создало между ними (президентом и этими двумя персонажами) устойчивую ассоциативную связь: в памяти у каждого второго телезрителя прямо на подкорке записалось, что эти три человека чем-то очень сильно связаны (иначе бы

один не стал бы вступаться за двоих оставшихся), скорее всего совместной деятельностью или общими интересами. Теперь, если кто вспомнит Петрова и Боширова, сразу же всплывает и образ президента. И никто уже на Западе не помнит подробности образования этой связи: то ли они отравили Скрипалей, то ли Скрипали отравили их («то ли он украл шинель, то ли у него украли шинель...») – это уже не важно. Главное, считает западная общественность, что верить им нельзя. Всем троим.

В развёрнутой в 2016 г. операции информационной войны «Панамское досье» (прямо предшествующей «Делу об отравлении Скрипалей») западные разведки приложили воистину колоссальные усилия для того, чтобы прочно «связать» в одну ассоциативную цепочку офшорные счета в Панаме с другом детства Владимира Владимировича Путина, профессиональным музыкантом-виолончелистом Ролдугиным, а самого Ролдугина – с действующим Президентом Российской Федерации (который в «панамских бумагах» вообще никак не фигурировал). С помощью различных приёмов, таких как публикации в ведущих западных журналах и газетах скандальных статей о панамских офшорах с обязательной фотографией Президента РФ прямо под заголовком о коррупции, они пытались внедрить в сознание читателей простой и незамысловатый штамп о том, что, «где коррупция, там Путин». На кого-то это, конечно, подействовало, но далеко не на всех здравомыслящих людей в США и Европе. Усилия были затрачены колоссальные, технологии были применены самые совершенные, а результат всё равно получился очень скромным. В деле же с «невероятными приключениями» Петрова и Боширова в Солсбери и на телеканале RT эту ассоциативную цепочку создала за британцев (и американцев) сама российская сторона – те самые люди, которые подали президенту идею с интервью.

РЕАКЦИЯ РОССИИ

В целом, оценивая высокий уровень организации «Дела об отравлении Скрипалей» (как операции информационной войны), а также индивидуальный почерк её исполнителей (МИ-6, Скотленд-Ярда и др.), можно прийти к выводу, что перед нами не совсем британское изобретение: схема данной операции с высокой степенью точности похожа на стандартную схему американской операции информационной войны [3], каноническим примером которой является «Панамское досье» 2016 г. Правда, в отличие от собственно американских операций ИВ, проводимых «под флагом разведсообщества США», «Дело об отравлении Скрипалей» сделано грязно: его реальные исполнители изрядно наследили, вымазав все окрестности Солсбери «новичком» (чтобы эти следы точно нашли). Но и этому есть своё разумное объяснение: в последнее время спецслужбы США всё чаще стремятся использовать «послушную и безотказную» Великобританию для «грязной работы» (к разряду которой и относится покушение на убийство Сергея и Юлии Скрипалей,

осуществлённое особо садистским способом), в которой сами американские «джентльмены в белых перчатках» не хотят пачкать свои руки [1; 2].

Самое же печальное в данной ситуации – то, с какой пассивностью и нежеланием вообще что-либо предпринимать в ответ российская сторона наблюдала за действиями британских спецслужб, получивших уникальную возможность развернуть операцию «как по нотам». У российской стороны полностью отсутствовала тактика наступательных действий. Более того, российские чиновники в ответ на агрессивные действия британцев демонстрировали неуверенность и бесконечные колебания в выборе путей решения проблемы. Многие из них в марте–апреле 2018 г., видимо, наивно надеялись, что проблема исчезнет сама собой.

Глубокую грусть также навеяла абсолютная несогласованность действий российских министерств и ведомств в деле реагирования на продолжения истории со Скрипалями. Сразу после опубликования Скотленд-Ярдом своего промежуточного доклада, в котором прозвучали фамилии Петрова и Боширова, МИД России заявил, что «мы таких людей среди граждан РФ не обнаружили; следовательно, их нет». Так как этому заявлению никто не поверил, в дело включились российские СМИ, последовательно выдвинувшие и отработавшие две версии:

1. Боширов и Петров – «геи» (представители ЛГБТ-сообщества);
2. Боширов и Петров – безработные английские актёры, которых агенты МИ-6 специально наняли для того, чтобы сыграть российских разведчиков-ликвидаторов.

Тем самым российские СМИ, используя всю мощь своего пропагандистского потенциала, сделали всё возможное, чтобы опровергнуть официальную позицию МИД РФ.

Если с первой версией случилась не очень удобная ситуация (с этической точки зрения), то вторая версия была отработана СМИ по полной программе: Боширова и Петрова якобы даже нашли где-то в Англии и пообещали показать в новостях с ними интервью. И показали бы, если бы не Восточный экономический форум, на котором В. В. Путин выдвинул уже четвёртую по счёту версию происхождения Петрова и Боширова: «мы их знаем», это обычные гражданские люди, граждане РФ. С этого момента тема «безработных английских актёров» исчезла.

Как представляется, не менее пассивно вёл себя и российский постоянный представитель в СБ ООН Василий Небензя. Так, когда представитель Великобритании на заседании Совбеза безосновательно обвинил Россию в применении оружия массового уничтожения, В. Небензя «выразил обеспокоенность» и возмущение, заявив о «непозволительности говорить с Россией языком ультиматумов». Грозные слова российского постпреда при этом произвели впечатление только на самого постпреда – западные представители их проигнорировали, прежде всего потому, что с Россией и так уже довольно дав-

но говорят языком ультиматумов, и в ситуации со Скрипалями ничего нового, в принципе, не произошло. Более того, говорить с Россией языком ультиматумов скоро станет нормой, если с нашей стороны не последует адекватного ответа. В речи же В. Небензи не было даже скромного намека на наступательную позицию и попытки перехватить информационную повестку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительные итоги, стоит отметить, что уже в самом начале «Дела об отравлении Скрипалей» российским официальным лицам следовало вообще напрочь забыть о существовании Сергея Скрипаля (С. Скрипаль – гражданин Великобритании, вот пусть британские власти сами и разбираются со своим подданным) и сконцентрировать все свои дипломатические усилия на персоне Юлии Скрипаль – гражданке Российской Федерации, серьёзно пострадавшей на территории Соединённого Королевства. Её мы обязаны защищать всеми доступными способами, в том числе силовыми.

Необходимо было требовать от Правительства Великобритании, Скотленд-Ярда, королевской прокуратуры немедленных исчерпывающих объяснений по поводу того, почему на их территории пострадала российская гражданка. Тогда бы уже британская сторона оказалась в позиции оправдывающихся. Вместо этого Россия действовала нерешительно и в итоге потеряла самое ценное в такой ситуации – время.

Вторая часть операции информационной войны, выстроенная её организаторами по принципу «загонной охоты», также стала для российской стороны существенным ударом по имиджу: даже когда британская сторона передала журналистам копию заявления Боширова на выдачу загранпаспорта (совершив тем самым второй по счёту информационный вброс), ни у одного представителя российской стороны даже в мыслях не появилось ощущение того, что это – ловушка, приманкой в которой («бесплатным сыром в мышеловке») стали те самые «вопиющие нестыковки» в докладе Скотленд-Ярда о промежуточных результатах расследования «Дела Скрипалей», опубликованном 5 сентября 2018 г., не говоря уже о том, что эти «несстыковки» сделаны британскими разведчиками сознательно – чтобы их сразу увидели наши чиновники.

Между тем метод «загонной охоты» в политике далеко не нов – он регулярно применяется против сенаторов и конгрессменов в самих Соединённых Штатах. Именно так в своё время ловили на лжи бывшего президента США Б. Клинтона по «Делу Моники Левински»: сначала выставляли на самом виду «приманку»; убеждались, что «приманку» «заглотили» те, кому она предназначалась; затем дожидались от Б. Клинтона публичных объяснений в Конгрессе США, под присягой; ловили на лжи и «припирали» придержанными как раз для такого случая фактами и доказательствами (о существовании которых Б. Клинтон даже не подозревал) «к стенке» [8; 9]. В этом плане «загон-

ная охота» в «Деле об отравлении Скрипалей» была разыграна британцами почти безукоризненно.

Проблема противодействия операциям информационной войны в современной России осложняется ещё и тем, что такая система здесь отсутствует целиком и полностью [7]. Поэтому любая операция типа «Дела об отравлении Скрипалей» неизменно, из раза в раз застаёт российскую сторону врасплох.

Есть только официальные представители различных министерств и ведомств, которые в подавляющем большинстве критических ситуаций вместо реального противодействия лишь сумбурно на них реагируют. В итоге даже слабые информационные атаки проходят сквозь все уровни ведомственной защиты «как нож сквозь масло»; практически любая из этих атак доходит до самого Президента Российской Федерации, которому приходится их лично отражать: лично собирать пресс-конференции, рассказывать журналистам про современные технологии информационного воздействия, применяемые нашими американскими «партнерами», и т. д. Между тем такого в принципе не должно быть: операции информационной войны типа «Панамского досье» или «Дела об отравлении Скрипалей» должны отражаться не главой государства, а обыкновенными рядовыми исполнителями, младшими сотрудниками, работающими в российских министерствах, ведомствах или специальных службах.

В этом ключе определённый оптимизм вызывает только активная позиция Министерства обороны Российской Федерации, представители которого провели в рамках ежегодного форума «Армия–2018» специализированную научно-практическую конференцию «Психологическая оборона», посвящённую самим информационным войнам и новым формам, методам и технологиям защиты от них. В работе конференции приняли участие не только военнотрудовые Министерства обороны РФ, но и известные политологи, социологи, психологи и журналисты, знакомые с информационными и психологическими операциями на собственном опыте [5; 6]. Одним из итогов этой конференции стало ясное понимание необходимости создания в структуре Министерства обороны особого центра или службы информационных операций. Если такой центр будет создан, у России наконец появится своя общенациональная служба противодействия операциям информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Горячая линия–Телеком, 2017. 352 с.
2. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века / В. А. Ачкасов и др.; под ред. П. А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2015. 384 с.

3. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия–Телеком, 2018. 480 с.
4. Манойло А. В. Технологии современных информационных войн // Политическая наука. 2017. № 5. С. 306–325.
5. Мягкая сила в мировой политической динамике / И. А. Чихарев и др. М.: Известия, 2015. 207 с.
6. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / под общ. ред. И. В. Бочарникова. М.: Экон-Информ, 2016. 306 с.
7. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ / А. В. Манойло и др.; под ред. А. П. Кошкина. Вып. 4. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. 68 с.
8. Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие для студентов вузов / Т. В. Евгеньева и др. М.: МПГУ, 2016. 136 с.
9. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / под общ. ред. И. В. Бочарникова. М.: Экон-Информ, 2015. 218 с.
10. Manoylo A. The skripals case: Secret services's game with growing stakes // InfoSCO. 2018. № 2. P. 17–20.

REFERENCES

1. Tsygankov P. A., ed. *Gibridizatsiya mirovoi i vneshnei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Hybridization of global and foreign policy in the light of sociology of international relations]. Moscow, Hotline–Telecom Publ., 2017. 352 p.
2. Achkasov V. A. et al. *Gibridnye voiny v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka* [Hybrid wars in the chaotic world of the XXI century]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2015. 384 p.
3. Manoylo A. V. *Informatsionnye voiny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviyu* [Information warfare and psychological operations. A guide to action]. Moscow, Hotline–Telecom Publ., 2018. 480 p.
4. Manoylo A. V. [Modern technology information warfare]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2017, no. 5, pp. 306–325.
5. Chikharev I. A. et al. *Myagkaya sila v mirovoi politicheskoi dinamike* [Soft power in the global political dynamics]. Moscow, Izvestiya Publ., 2015. 207 p.
6. Bocharnikov I. V., ed. *Rol' tekhnologii «myagkoi sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve* [The role of “soft power” technology in the information, value-philosophical and civilizational confrontation]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2016. 306 p.
7. Manoylo A. V. et al. *Siriiskii geopoliticheskii izlom. Rol' Rossii v neutralizatsii terroristicheskoi ugrozy IG. Vyp. 4.* [Syrian geopolitical fracture. Russia's role in neutralizing the terrorist threat of IS. Iss. 4], Moscow, Russian Economic University named after G. V. Plekhanov Publ., 2015. 68 p.
8. Evgenieva T. V. et al. *Chto nado znat' o «tsvetnykh revolyutsiyakh»* [What you should know about the “color revolutions”]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2016. 136 p.

9. Bocharnikov I. V., ed. *Evolutsiya form, metodov i instrumentov protivoborstva v sovremennykh konfliktakh* [Evolution of forms, methods and instruments of warfare in modern conflicts]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2015. 218 p.
10. Manoylo A. The Skripals case: Secret services. In: *InfoSCO*, 2018, no. 2, pp. 17–20.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.01.2019

Статья размещена на сайте: 04.03.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Andrey V. Manoylo – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoylo A. V. The Case of the Scripals as an Information Warfare Operation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Второй этап «Дела Скрипалей» – «загонная охота»

№ вброса	Официальное лицо, от имени которого осуществляется вброс	Содержание информационного вброса	Цель информационного вброса (ожидаемая реакция российской стороны)	В чём подвох: «сыр в мышеловке»	Реакция российской стороны	Проколы
1	Официальный представитель «Скотленд-Ярда» (криминальной полиции Великобритании (далее – ВБ). Событие: 5 сентября 2018 г. «Скотленд-Ярд» опубликовал промежуточный отчёт о расследовании «Дела Скрипалей».	Основные выводы доклада: 1. К отравлению Скрипалей имеют отношение Петров и Боширов (далее – П. и Б.), граждане РФ, прилетевшие в ВБ по паспортам, выписанным на вымышленные фамилии и имеющим различие в номерах на 3 знака (...1294, 1297). 2. Камеры наружного наблюдения зафиксировали визит П. и Б. к дому Скрипалей в день накануне отравления. 3. П. и Б. в тот же день улетели прямым рейсом в Москву, пробыв всего 2 дня в Солсбери. 4. Чек на оплату такси, который Б. решил сохранить «для отчёта перед бухгалтерией». 3. Главный вывод «Скотленд-Ярда»: П. и Б., возможно, причастны, но ВБ не верит в то, что люди под такими ФИО действительно существуют.	1. Сделать так, чтобы российская сторона вывела П. и Б. в публичное пространство, тем самым доказав факт их физического существования и подтвердив их личными показаниями версию «Скотленд-Ярда» (П. и Б. могли быть просто вымышленными персонажами, а их фото – взятymi из интернета). 2. Сделать так, чтобы П. и Б., давая интервью, лично подтвердили тот факт, что они были в Солсбери в тот самый день, когда Скрипали были отравлены (утром), и в том самом месте, где их зафиксировала камера наблюдения на доме Скрипалей. «Скотленд-Ярд» это подтвердить никак не мог: записи с камер могут быть подделаны и доказательствами являться не могут.	1. Надписи на кадрах с камер наружного наблюдения, зафиксировавших прохождение П. и Б. в одно и то же время в одной и той же точке пространства (по очереди), были специально подделаны и выложены на видное место для того, чтобы русские обязательно их заметили; заметив, на них клюнули, решили, что это прокол британцев («вопиющие несостыковки»). 2. Если «Дело – верное», можно подсказать Президенту РФ идею лично ответить Терезе Мэй (раз она так неосторожно подставилась). 3. «Движение по флажкам»: дать ответы сыщикам «Скотленд-Ярда» по тем самым вопросам, по которым, как они сами озвучили, у них проблемы с наличием доказательств, подтверждающих версию (нет таких людей? Они есть!).	Первоначальная реакция: 1. МИД РФ: мы таких людей среди граждан РФ не обнаружили; следовательно, их нет. 2. Российские СМИ: это – геи; это – английские актеры, которых будто бы даже уже нашли. 3. Диалог: «Скотленд-Ярд» – о П. и Б.: нет таких людей Россия: как нет!?!? Есть!!! Да вот же они! (Что, утерли мы вам нос!) 3. Владимир Владимирович Путин, Владивосток, Восточный экономический форум, 12 сентября (в день объявления Терезой Мэй ультиматума): «Мы знаем, кто они такие. Мы их нашли. Надеюсь, что они сами появятся и сами о себе расскажут. Это будет лучше для всех. Ничего там особенного и криминального нет...» 4. Брилёв – Путину (12 сентября, ВЗФ): Они (П. и Б.) – гражданские? Путин – Брилёву: Гражданские, конечно! 5. П. и Б. пришли 13 сентября к М. Симонян (РТ) и дали развернутое интервью, подтвердив свои личности и факт пребывания в Солсбери в день отравления Скрипалей.	1. Россия клюнула на приманку «кадры» с «вопиющими несостыковками» и вывела П. и Б. в публичное пространство. 2. Путин, заявив о том, что «мы все знаем о них» и что они «гражданские, конечно», фактически за П. и Б. поручился лично (своим авторитетом): ассоциативно намертво связав П. и Б. с собой, сузив для себя коридор манёвра по этому делу. Теперь если выяснится, что П. и Б. – не гражданские, то у президента будет два выхода (один хуже другого): признать, что он солгал «в интересах дела»; признать, что его ввели в заблуждение. 3. П. и Б., оказавшись у Симонян абсолютно неподготовленными к разговору, вели себя так нервозно и неуверенно, что их интервью: 1) породило ещё больше вопросов к делу (вместо того, чтобы их снять); 2) убедило даже скептиков в том, что «дело нечисто» и П. и Б. – не те, за кого себя выдают. 4. Никто не подумал, что у ВБ могут быть и другие доказательства, которые они не выложили в промежуточный отчёт.
2	The Insider, Bellingcat (сайты «независимых некоммерческих организаций журналистов-расследователей»).	1. 14 сентября 2018 г. опубликованы копии заявлений на выдачу загранпаспортов от Петрова и Боширова, вероятно, выкраденные из паспортного стола, в котором те получали загранпаспорта. На обеих заявлениях фигурирует штамп «сведений не выдавать» и телефон, принадлежащий, предположительно, Министерству обороны РФ. 2. Вместо того, чтобы самим отработать номер телефона, МИ-6 передала этот номер независимым британским журналистам, обладающим авторитетом среди коллег: Оливеру Кэрролу (Independent) и Патрику Ривелу (ABC News). Именно они позвонили по телефону, который был указан в заявлении. Им ответил человек, подтвердивший, что номер принадлежит МО Российской Федерации. Когда ему задали вопрос о П., собеседник бросил трубку.	1. Поймать российскую сторону на лжи, уличив П. и Б. в связи с МО РФ (ВВП: «это гражданские люди»); 2. Спровоцировать поспешные ответные действия российской стороны (оправдательного или отрицающего характера), заставить суетиться, мельтешить, путаться в заявлениях и показаниях, тем самым подтверждая, что «нет дыма без огня»; 3. Слабые стороны вброса: карточки легко подделать – это 15 минут в фотопроше. Любой штамп можно нарисовать. Подлинных карточек (подлинность которых может доказать только криминалист. экспертиза) никто в глаза не видел – может, их и в природе не существует.	Вброс осуществлён от имени «жёлтых нью-медиа» (The Insider, Bellingcat), но информация – скорее всего, подлинная, и добыта она МИ-6 (через эти сайты сливает информацию британская разведка).	1. Шок от того, что, оказывается, у британцев припрятан ещё компромат (который у них был ещё до заявления «Скотленд-Ярда»); 2. 25 сентября 2018 г. ФСБ возбудила уголовное дело и начала проверку по факту утечки сведений особой важности из того самого паспортного стола, где получали паспорта П. и Б. (речь идёт о том, что кто-то продал их заявления на получения загранпаспортов третьим лицам). Должностные лица МВД, продавшие личные данные П. и Б., объявлены в розыск.	Возбудив уголовное дело по факту утечки сведений, составляющих государственную тайну, спецслужба подтвердила ту часть британской легенды, которую никак не мог доказать Скотленд-Ярд: подлинность карточек на П. и Б., украденных из паспортного стола. Значит, П. и Б. действительно связаны с ведомством, которому принадлежит номер телефона (МО РФ).
3	The Insider, Bellingcat, 26 сентября	1. Имя первого персонажа «солсберийской пары» – Анатолий Чепига, офицер ГРУ. 2. Имя второго участника «солсберийской группировки ГРУ» будет названо через 7–10 дней.	Ловля на лжи (Чепига, он же Боширов, не гражданский, а офицер ГРУ).		1. Слабые попытки опровергнуть информацию: «это не Чепига»; 2. 1 октября. Пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков заявил, что, как представитель Кремля, не намерен больше обсуждать с представителями СМИ публикации о людях, якобы причастных к отравлению в Солсбери бывшего полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии: «Мы не будем больше вести разговор со средствами массовой информации. ВВС не может что-то подтвердить, ВВС может выдвинуть предположение или ещё что-то. И, поскольку вся дискуссия ведется на уровне СМИ, мы, как Кремль, больше не хотим в этой дискуссии участвовать» (РИА Новости. 1 октября 2018 г.).	Отказавшись комментировать дело Скрипалей, Д. Песков фактически без боя освободил информационное поле для версий и заключений противника, расписавшись в поражении в информационной войне.
4	8 октября	1. Второй персонаж «солсберийской пары» – Мишкин, бывший военный врач. 2. Опубликован скан его гражданского паспорта. 2. До начала сентября 2014 г. Мишкин был зарегистрирован на Хорошевском шоссе 76Б в Москве — по адресу штаб-квартиры ГРУ.	Ловля на лжи (Мишкин, он же – Петров, не гражданский, а офицер ГРУ).		отсутствует	Молчание власти было воспринято как знак того, что власти нечего сказать в своё оправдание.